

К. МАРКС

**НАЕМНЫЙ ТРУД
И
КАПИТАЛ**

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1950

Подписано к печати 15/II 1950 г.
М-05919. Формат $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Печ. ли-
стов 3. Уч.-изд. 2,25 листа. Тираж
150 тыс. Заказ № 868. Цена 60 коп.

*

Типография № 2 Управления изда-
тельств и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Ф. Энгельс. Введение . . . . .</i>	3
К. МАРКС. НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ	
I	14
II	20
III	26
IV	31
V	38

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

К. МАРКС

НАЕМНЫЙ ТРУД
И
КАПИТАЛ

Типография № 2 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета.

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Предлагаемая работа была впервые опубликована в 1849 г. в ряде номеров «Новой Рейнской Газеты»¹, начиная с 4 апреля, в виде передовых статей. В основу ее положены лекции, читанные Марксом в 1847 г. в Брюссельском немецком рабочем обществе. В печати работа осталась незаконченной; находящееся в конце статьи в № 269 обещание: «Продолжение следует», осталось невыполненным вследствие нахлынувших тогда событий — вступления русских в Венгрию, восстаний в Дрездене, Изерлоне, Эльберфельде, Пфальце и Бадене, — событий, повлекших за собой запрещение самой газеты (19 мая 1849 г.). Рукописи, которая содержала бы продолжение этой работы, в наследии Маркса не оказалось.

Отдельным изданием, в виде брошюры, «Наемный труд и капитал» печатался несколько раз, в последний раз — в 1884 г., в Геттинген-Цюрихе, «Швейцарская кооперативная типография». Во всех вышедших до сих пор изданиях точно воспроизводился текст оригинала. Но так как настоящее новое издание представляет собой брошюру пропагандистского характера и должно разойтись в количестве не менее 10 000 экземпляров, передо

---

¹ «*Neue Rheinische Zeitung*» — выходила в Кельне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. Главным редактором ее был Маркс. *Ред.*

мной встал вопрос, одобрил ли бы при таких условиях сам Маркс перепечатку текста без всяких изменений.

В сороковых годах Маркс еще не довел до конца своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятих годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.), в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые с точки зрения позднейших работ являются неудачными и даже неверными. Само собой разумеется, что в обычных изданиях, предназначенных для читающей публики вообще, должна найти себе место и эта более ранняя точка зрения автора, составляющая одну из ступеней его развития, что и автор, и публика имеют бесспорное право на перепечатку этих более ранних сочинений без всяких изменений. При подобном издании мне и в голову не пришло бы изменить в этих произведениях хоть одно слово.

Другое дело, когда новое издание предназначено, можно сказать, исключительно для пропаганды среди рабочих. В подобном случае Маркс безусловно привел бы это старое, относящееся к 1849 г. изложение в соответствие со своей позднейшей точкой зрения. И я уверен, что, внося в это издание некоторые изменения и добавления, необходимые для того, чтобы во всех существенных пунктах достигнуть такого соответствия, я действую вполне в его духе. Итак, я предупреждаю читателя: эта брошюра дается здесь не в таком виде, как Маркс ее написал в 1849 г., а приблизительно в таком, как он написал бы ее в 1891 году. К тому же подлинный текст разошелся в таком большом количестве экземпляров, что этого вполне достаточно до тех пор, пока мне представится возможность переиздать его без изменений в полном собрании сочинений.

Все внесенные мной изменения относятся к одному пункту. Согласно оригиналу, рабочий за заработную плату продает капиталисту свой *труд*, согласно теперешнему тексту, — свою *рабочую силу*. По поводу этого изменения я должен дать разъяснение. — Разъяснение рабочим, чтобы они видели, что здесь перед нами не пустое букво-

едство, а, напротив, один из важнейших пунктов всей политической экономии. Разъяснение буржуа, чтобы они могли убедиться, насколько необразованные рабочие, для которых легко можно сделать доступными самые трудные экономические вопросы, превосходят наших заносчивых «образованных» людей, для которых такие запутанные вопросы остаются неразрешимыми на всю жизнь.

Классическая политическая экономия¹ заимствовала из промышленной практики ходячее представление фабриканта, будто он покупает и оплачивает *труд* своих рабочих. Этого представления было вполне достаточно фабриканту для ведения дела, для счетоводства и калькуляции цен. Однако, будучи наивным образом перенесено в политическую экономию, это представление создало там совершенно поразительные заблуждения и путаницу.

Политическая экономия сталкивается с фактом, что цены всех товаров, в том числе и цена того товара, который она называет «трудом», непрерывно изменяются; они повышаются и понижаются под влиянием весьма разнообразных обстоятельств, которые часто не находятся ни в какой связи с производством самого товара, так что кажется, будто цены вообще определяются чистой случайностью. Когда политическая экономия выступила как наука², одной из первых ее задач было найти закон, который скрывается за этой, как бы господствующей над товарными ценами случайностью, и который в действительности сам господствует над этой случайностью. В непрерывных изменениях товарных цен и колебаниях их то вверх, то вниз наука искала устойчивый центр, вокруг которого они совершаются. Словом, она отправлялась от

---

¹ «...под классической политической экономией,— пишет Маркс в «Капитале»,— я понимаю всю политическую экономию, начиная с В. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 91). Крупнейшими представителями классической политической экономии в Англии были А. Смит и Д. Рикардо. *Ред.*

² «Политическая экономия, в более узком смысле, хотя и возникла в головах гениальных людей в конце XVII века, однако в своей положительной формулировке, которую ей дали физиократы и Адам Смит, по существу представляет собой детище XVIII века...» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 141). *Ред.*

товарных *цен* для того, чтобы отыскать в качестве регулирующего их закона *стоимость* товаров, исходя из которой можно было бы объяснить все колебания цен и к которой все они могли бы быть в конечном счете сведены.

И вот классическая политическая экономия нашла, что стоимость товара определяется содержащимся в нем необходимым для его производства трудом. Этим объяснением она удовлетворялась. Мы тоже можем пока на этом остановиться. И только во избежание недоразумений я считаю нужным напомнить, что в настоящее время это объяснение стало совершенно недостаточным. Маркс впервые основательно исследовал свойство труда создавать стоимость и при этом нашел, что не всякий труд, который кажется необходимым или даже действительно необходим для производства товара, при всех условиях придает этому товару стоимость такой величины, которая соответствует затраченному количеству труда. Следовательно, если мы в настоящее время вместе с такими экономистами, как Рикардо, говорим просто, что стоимость товара определяется необходимым для его производства трудом, то при этом мы всегда подразумеваем сделанные Марксом оговорки. Этого здесь достаточно; остальное можно найти у Маркса в работе «К критике политической экономии», 1859 г., и в первом томе «Капитала».

Но как только экономисты применили определение стоимости трудом к товару «труд», они запутались в ряде противоречий. Чем определяется стоимость «труда»? Заключающимся в нем необходимым трудом. Но сколько труда заключается в труде рабочего, выполненном в продолжение одного дня, одной недели, одного месяца, одного года? В нем заключается труд одного дня, одной недели, одного месяца, одного года. Если труд есть мера всех стоимостей, то «стоимость труда» мы можем выразить только в труде. Но мы абсолютно ничего не знаем о стоимости одного часа труда, если знаем только, что она равна одному часу труда. Этим мы ни на волос не приблизились к цели. Мы продолжаем вращаться в заколдованном кругу.

Тогда классическая политическая экономия сделала попытку в другом направлении; она сказала: стоимость

товара равна издержкам его производства. Но что такое издержки производства труда? Чтобы ответить на этот вопрос, экономисты должны были произвести некоторое насилие над логикой. Вместо издержек производства самого труда, которых, увы, нельзя установить, они исследуют, что представляют собой издержки производства *рабочего*. А эти издержки установить можно. Они изменяются в зависимости от времени и обстоятельств, но при данном состоянии общества, в данном месте, в данной отрасли производства являются тоже величиной данной, по крайней мере данной в довольно узких пределах. Мы живем в настоящее время в условиях господства капиталистического производства, при котором большой и все возрастающий класс населения может существовать лишь при том условии, если работает за заработную плату на владельцев средств производства — орудий, машин, сырья и жизненных средств. На основе этого способа производства издержки производства рабочего заключаются в той сумме жизненных средств, — или в той их денежной цене, — которая в среднем необходима, чтобы сделать его трудоспособным, сохранить его трудоспособность и, когда он выходит из строя вследствие старости, болезни или смерти, заменить его новым рабочим, т. е. в той сумме жизненных средств, которые требуются для того, чтобы дать возможность рабочему классу размножаться в необходимых размерах. Предположим, что денежная цена этих жизненных средств составляет в среднем 3 марки в день.

Итак, наш рабочий получает от нанимающего его капиталиста заработную плату в 3 марки в день. За это капиталист заставляет его работать, скажем, 12 часов в день. При этом капиталист делает примерно такой расчет:

Предположим, что наш рабочий, слесарь-механик, должен изготовить деталь машины, которую делает в один день. Пусть сырье — железо и латунь в необходимой предварительно обработанной форме — стоит 20 марок. Пусть потребление угля паровой машиной, снашивание этой паровой машины, токарного станка и всех остальных орудий, которыми работает наш рабочий, составляет, при расчете на один день и на одного рабочего,

стоимость в 1 марку. Заработную плату за один день по нашему предположению составляют 3 марки. Итого на нашу деталь машины затрачивается 24 марки. Но капиталист рассчитывает получить за нее от своих покупателей в среднем цену в 27 марок, т. е. на 3 марки больше произведенных им издержек.

Откуда берутся эти 3 марки, которые кладет себе в карман капиталист? По утверждению классической политической экономии товары продаются в среднем по их стоимостям, т. е. по ценам, которые соответствуют содержащимся в этих товарах необходимым количествам труда. Следовательно, средняя цена нашей детали машины — 27 марок — была бы равна ее стоимости, равна заключающемуся в ней труду. Но из этих 27 марок 21 марка составляет стоимость, которая была налицо уже раньше, чем наш слесарь-механик начал работать. 20 марок заключались в сырье, а 1 марка в сожженном за время работы угле или в употреблявшихся при этом машинах и орудиях, пригодность которых к действию соответственно уменьшилась. Остается 6 марок, которые были присоединены к стоимости сырья. Но эти 6 марок, по предположению самих наших экономистов, могут возникнуть только из труда, присоединенного нашим рабочим к сырью. Его двенадцатичасовой труд создал, таким образом, новую стоимость в 6 марок. Следовательно, стоимость его двенадцатичасового труда была бы равна 6 маркам. И тем самым мы, наконец, открыли бы, что такое «стоимость труда».

«Стой!» — восклицает наш слесарь-механик. — «Шесть марок? Но ведь я получил только три! Мой капиталист клянется всеми святыми, что стоимость моего двенадцатичасового труда равна только трем маркам, и подымет меня насмех, если я потребую шесть. Как же это согласовать?»

Если и раньше с нашей стоимостью труда мы попали в заколдованный круг, то теперь мы уж совсем запутались в неразрешимом противоречии. Мы искали стоимость труда, а нашли больше, чем нам нужно. Для рабочего стоимость двенадцатичасового труда — 3 марки, для капиталиста — 6 марок, из которых 3 он платит рабочему в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман.

Таким образом, труд имел бы не одну, а две стоимости, и к тому же совершенно различные!

Противоречие становится еще более нелепым, если стоимости, выраженные в деньгах, мы сведем к рабочему времени. В течение 12 часов труда создается новая стоимость в 6 марок. Значит в течение 6 часов — 3 марки, сумма, которую рабочий получает за двенадцатичасовой труд. В качестве эквивалента за двенадцатичасовой труд рабочий получает продукт 6 часов труда. Итак, либо труд имеет две стоимости, из которых одна в два раза больше другой, либо 12 равны 6! В обоих случаях получается чистейшая нелепость.

Сколько бы мы ни бились, мы не выпутаемся из этого противоречия до тех пор, пока будем говорить о купле и продаже труда и о стоимости труда. Так оно и было с экономистами. Последний отпрыск классической политической экономии, школа Рикардо, потерпела крах главным образом из-за того, что не могла разрешить этого противоречия. Классическая политическая экономия попала в тупик. Человеком, нашедшим выход из этого тупика, был Карл Маркс.

То, в чем экономисты видели издержки производства «труда», представляет из себя издержки производства не труда, а самого живого рабочего. И то, что этот рабочий продает капиталисту, представляет из себя не труд рабочего. «Когда его труд действительно начинается», говорит Маркс, «он перестает принадлежать рабочему и, следовательно, не может быть им продан». Самое большее, что он может продать, — это свой *будущий* труд, т. е. он может взять на себя обязательство выполнить определенную работу в определенное время. Но тем самым он продает не труд (который еще должен быть выполнен), а предоставляет в распоряжение капиталиста за определенную плату на определенное время (при почасовой заработной плате) или для определенной работы (при сдельной заработной плате) свою рабочую силу: он отдает в наем, или продает, свою *рабочую силу*. Но эта рабочая сила срослась с личностью рабочего и неотделима от нее. Поэтому издержки ее производства совпадают с издержками производства самого рабочего; то, что экономисты называли издержками производства

труда, как раз и представляет из себя издержки производства рабочего, а тем самым — издержки производства рабочей силы. И таким образом мы можем от издержек производства рабочей силы перейти к *стоимости* рабочей силы и определить количество общественно-необходимого труда, требующееся для производства рабочей силы определенного качества, — что и сделал Маркс в отделе о купле и продаже рабочей силы («Капитал», т. I, гл. IV, 3¹).

Что же происходит после того, как рабочий продал капиталисту свою рабочую силу, т. е. предоставил ее в распоряжение капиталиста за наперед условленную заработную плату — поденную или сдельную? Капиталист ведет рабочего в свою мастерскую или на фабрику, где уже имеются все необходимые для работы предметы: сырье, вспомогательные материалы (уголь, красящие вещества и т. д.), орудия, машины. Здесь рабочий принимается за работу. Пусть его дневная плата составляет, как и раньше, 3 марки, — причем совершенно безразлично, получает ли он их поденно или сдельно. Точно так же мы здесь опять предполагаем, что своим трудом рабочий в продолжение 12 часов присоединяет к израсходованному сырью новую стоимость в 6 марок, которую капиталист реализует при продаже готового продукта. Из них он платит рабочему его 3 марки, остальные же 3 марки оставляет себе. Но если рабочий за 12 часов производит стоимость в 6 марок, то за 6 часов он создает стоимость в 3 марки. Следовательно, проработав на капиталиста 6 часов, рабочий уже возместил капиталисту эквивалент 3 марок, содержащихся в заработной плате. По истечении 6 часов труда оба они квиты, ни один из них не должен другому ни гроша.

«Стой!» — кричит теперь капиталист. — «Я нанял рабочего на целый день, на двенадцать часов. А шесть часов — это только половина дня. Живей же опять за работу, пока не кончатся и остальные шесть часов, — только тогда мы будем квиты!» И рабочему в самом деле приходится выполнять свой «добровольно» заключенный договор, по которому он обязался за

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 185—196. *Ред.*

продукт труда, стоящий 6 рабочих часов, работать целых 12 часов.

Так же обстоит дело и при сдельной оплате. Предположим, что наш рабочий за 12 часов изготавливает 12 штук товара. Приходящиеся на каждую штуку товара сырье и снашивание машин обходятся в 2 марки, а продается каждая штука за $2\frac{1}{2}$ марки. Таким образом, при тех же самых условиях, что и прежде, капиталист будет платить рабочему по 25 пфеннигов за штуку; на 12 штук это составит 3 марки, и, чтобы заработать их, рабочему требуется 12 часов. Капиталист получает за 12 штук 30 марок; за вычетом 24 марок на сырье и снашивание остается 6 марок, из которых он 3 марки выплачивает в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Все происходит так же, как и раньше. И здесь рабочий работает 6 часов для себя, т. е. для возмещения своей платы (в каждый из 12 часов по $\frac{1}{2}$ часа), и 6 часов для капиталиста.

Трудность, о которую разбивались усилия лучших экономистов, пока они исходили из стоимости «труда», исчезает, как только мы вместо этого берем за исходный пункт стоимость «рабочей силы». В нашем нынешнем капиталистическом обществе рабочая сила является товаром, таким же товаром, как и всякий другой, но все же совершенно особенным товаром. Дело в том, что товар этот обладает особенным свойством — быть силой, создающей стоимость, быть источником стоимости, и притом — при надлежащем употреблении — источником большей стоимости, чем та, которую он сам имеет. При современном состоянии производства человеческая рабочая сила не только производит за день стоимость, превышающую ту, которую она сама имеет и в которую она обходится; с каждым новым научным открытием, с каждым новым техническим изобретением этот избыток дневного продукта рабочей силы над дневными издержками на нее возрастает; следовательно, та часть рабочего дня, в течение которой рабочий вырабатывает возмещение своей дневной платы, сокращается, а, с другой стороны, та часть рабочего дня, в течение которой рабочему приходится *дарить* капиталисту свой труд, не получая за это оплаты, удлиняется.

И таков хозяйственный строй всего нашего нынешнего общества: один только рабочий класс производит все стоимости. Ибо стоимость есть лишь иное выражение труда, такое выражение, которым в нашем современном капиталистическом обществе обозначается количество общественно-необходимого труда, заключающегося в определенном товаре. Но эти производимые рабочими стоимости не принадлежат рабочим. Они принадлежат собственникам сырья, машин, орудий и авансируемых средств, которые позволяют этим собственникам покупать рабочую силу рабочего класса. Следовательно, из всей массы производимых им продуктов рабочий класс получает обратно только часть. Другая часть, которую класс капиталистов удерживает в своих руках и которой ему приходится делиться разве только с землевладельцами, как мы только что видели, возрастает с каждым новым изобретением и открытием, между тем как часть, достающаяся рабочему классу (при расчете на душу), либо увеличивается лишь весьма медленно и незначительно, либо вовсе не увеличивается, а при известных условиях может даже сокращаться.

Но эти все быстрее вытесняющие друг друга изобретения и открытия, эта изо дня в день возрастающая в неслыханных до сих пор размерах производительность человеческого труда создают в конце концов конфликт, от которого должно погибнуть современное капиталистическое хозяйство. На одной стороне — неизмеримые богатства и избыток продуктов, которыми не в состоянии овладеть покупатели. На другой стороне — громадная масса общества, пролетаризированная, превращенная в наемных рабочих и именно поэтому сделавшаяся неспособной приобретать этот избыток продуктов. Раскол общества на маленький непомерно богатый класс и на огромный лишенный собственности класс наемных рабочих ведет к тому, что это общество задыхается в своем собственном изобилии, между тем как огромное большинство его членов еле-еле защищено или совсем не защищено от самой крайней нужды. Это состояние общества с каждым днем становится все более нелепым и все более ненужным. Оно *должно* быть устранено, оно *может* быть устранено. Возмо-

жен новый общественный строй, в котором исчезнут современные классовые различия и в котором — быть может, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в моральном отношении переходного времени — средства к жизни, средства наслаждения, совершенствования и применения всех физических и духовных способностей во все возрастающей полноте будут предоставлены во всеобщее распоряжение, благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил всех членов общества, при равной для всех обязанности трудиться. А что рабочие все больше и больше полны решимости завоевать этот новый общественный строй, свидетельством тому будет по обе стороны океана наступающее завтра первое мая и воскресенье третьего мая¹.

Лондон, 30 апреля 1891 г.

Фридрих Энгельс

Написано Ф. Энгельсом для отдельного издания работы К. Маркса «Наемный труд и капитал», вышедшего в Берлине в 1891 г.

Печатается по тексту книги: К. Маркс Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том I, изд. 1948 г., стр. 44—52

---

¹ Английские тред-юнионы праздновали международный пролетарский день в ближайшее после 1 мая воскресенье, которое в 1891 г. приходилось на 3 мая. *Ред.*

НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ

I

С разных сторон нам приходилось выслушивать упреки в том, что мы не изобразили *экономических отношений*, составляющих материальную основу современной классовой и национальной борьбы. Мы систематически касались этих отношений только тогда, когда они непосредственно выдвигались в политических столкновениях.

Необходимо было прежде всего проследить классовую борьбу в повседневном ходе истории и эмпирически доказать на уже имеющемся и каждый день вновь появляющемся историческом материале, что вместе с поражением рабочего класса, который совершил и февраль и март¹, были побеждены и его противники — буржуазные республиканцы во Франции, а на всем европейском континенте — классы буржуазии и крестьянства, боровшиеся против феодального абсолютизма; что победа «добропорядочной республики» во Франции была вместе с тем поражением наций, ответивших на февральскую революцию героическими войнами за независимость; наконец, что с поражением революционных рабочих Европа снова попала в свое старое двойное рабство — в *англо-русское* рабство. Июньская борьба в Париже, па-

---

¹ То есть революцию 23—24 февраля 1848 г. в Париже, 13 марта в Вене и 18 марта в Берлине. *Ред.*